

Родина Тихий

Преломленное время

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Родион Тихий

Преломленное время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58106806

SelfPub; 2020

Аннотация

«Преломленное время» – это короткие правдивые истории, повествующие о людях, любви и дружбе. Учёные и философы утверждают, что время однонаправленно и необратимо. Автор показывает, что воспоминания дают нам возможность преломить время: ощутить вкус бабушкиных пирогов, запах родного дома, услышать голоса тех, кого с нами уже давно нет. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ошибки природы	4
Деревенские мотивы	10
Дипломат и шапка из сурка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ошибки природы

Однажды друзья привезли мне с птицефабрики цыплят. Недельных, сто штук. Фабрика по копеечной цене продавала трехдневных, но с ними мороки много. Выживаемость 50 на 50, а у недельных цыплят – 80 на 20. Если же хорошо ухаживать, то все 100%.

С моим другом Женей мы разделили живность пополам. Но тут заехал наш общий друг Вова Череп, так все его звали, и стал упрашивать нас поделиться цыплятами, Череп был разведен, жил в доме один.

Решено – нам по 40, Вове – 20.

Шло время, цыплята росли как на дрожжах. Корма доставал хорошие, да еще и баловал червями.

– Чем ты их кормишь? – спросил Женя, зайдя как-то раз ко мне во двор.

– Да тем же, что и ты. Только иногда червей копаю.

– Надо попробовать, – сказал Женя. – А давай заедем к Черепу? Навестим его и цыплят посмотрим.

Подъехав к дому, мы долго стучали, сигналили. На шум появился Вова, бледный, помятый, вздрагивающий.

– Которую неделю пьешь? – спросил Женя.

– Не помню, – почти заикаясь, ответил Вова.

Женя метнулся к машине, достал из бардачка бутылку водки, которую часом ранее купил себе на вечер, и объявил:

– Будем лечить!

Проверив все шкафы и холодильник, Женя нашел банку консервов и полбулки хлеба.

– То, что доктор прописал! – обрадовался он.

И друзья сели лечиться, я же заварил себе чай.

Женя активно о чем-то расспрашивал Вову. Тот не в состоянии был отвечать, больше кивал и мычал.

– Как твои цыплята? – вдруг спросил Женя.

– Какие цыплята? – удивился Вова.

– Как какие? Которых мы тебе подогнали.

Резко вскочив со стула, Вова побежал во двор. Мы за ним.

Во дворе стояла баня, которой Вова не пользовался. Зайдя за ним в предбанник, мы увидели на высоте полутора метров от пола клетку длиной в метра два. Такие делают для кроликов, а у Черепа, видимо, это был курятник. Небольшое окошко плохо освещало помещение. Вова включил свет. Тусклая лампочка немного улучшила положение, и стало видно, что клетка пуста. Вдруг в углу клетки что-то зашевелилось. Подумав, что это крыса, мы втроем шагнули назад. Из угла вышел цыпленок такой же пошатывающейся походкой, какой встречал нас Вова.

Цыпленок предстал совершенно голым, ни одного пера. На самом деле, по размеру он был небольшим, но очень худым, поэтому казался неестественно длинным. Цыпленок вышел на середину клетки, вытянулся и крикнул. Но вместо обычного тонкого цыплячьего писка из него вырвался гортанно-шипяще-скрипучий звук.

Подойдя ближе и осмотрев клетку получше, я произнес:

– Последний из Могикан. Да, силен бродяга.

– Чего это? – спросил Вова.

– Каннибал, – пояснил я.

– А где все-то? – продолжал Вова.

– А он всех и съел, – ответил Женя, – ты в запое, а жрать охота.

Вокруг цыпленка валялись косточки, белые и чистые.

Подойдя к клетке, Череп просунул палец в ячейку сетки. То ли косточку хотел достать, то ли просто... Цыпленок, словно по команде, побежал на палец. И тут Женя крикнул:

– Ам!

Надо было видеть, с какой скоростью Череп, отдернув руку, отпрыгнув и ударившись спиной о стену, с перепуганным лицом ломанулся на улицу, попутно чуть не сбив нас с Женей.

Не в силах перестать смеяться, мы с Женей вышли во двор.

– Что делать-то? – спросил Вова.

– Как что? Шашлык из цыпленка, – ответил Женя.

– Мужики, заберите его, – взмолился Вова.

– Куда? – спросил я.

– К своим цыплятам.

– Ты что, сдурел? Его же теперь обычным зерном не уговоришь, ему мясо подавай. Он же людоед! Он наших проглотит, – возмутился Женя.

– Ну а куда его?

– Собаке отдай. Собаку, небось, тоже не кормил? – спросил я.

– Нет, собаку кормил. Я про цыплят забыл.

– А знаешь, ты его лучше на цепь посади. Это же зверь, злее собаки будет, – продолжал подшучивать Женя.

Уезжая, уже из машины Женя крикнул:

– Череп, ты когда ловить его будешь, на руку верхонку надень. Так он тебя не съест.

Теперь и Череп смеялся вместе с нами.

– Ну вот, не зря заезжали, кажется, вылечили, – с довольным видом произнес Женя.

Надо сказать, Череп тоже обладал хорошим чувством юмора. Решив однажды зайти теперь уже к Жене в гости, Че-

реп и я еще в подъезде услышали запах жаренной картошки с тушенкой. Оказалось, это Женя хозяйничает в квартире один.

Устроившись за столом, мы только собрались поднять по первой, как вдруг, громко шлепая из коридора, на кухню зашла такса. Точнее, такса с бородой терьера. Увидев такое, я рассмеялся.

– Это что за зверь? – спросил Череп, как и я, сраженный увиденным.

Женя эмоционально начал рассказывать, что взял таксу еще щенком у одного знакомого. Поначалу он был нормальным, но подрастал щенок, и стала расти борода. Видимо, в процесс вмешался какой-то терьер.

– Клянусь, выгуливаю по ночам! Стремно с таким чудом показываться днем. Верну назад хозяину и морду еще набью, – грозился Женя. Он был из тех, кому только дай повод.

Наконец все-таки приняв по первой и закусив, Череп сказал:

– Женя, успокойся, есть выход.

– Какой еще выход? – не унимался Женя.

– Бритва есть?

– Есть!

– Тащи, будем брить, – решительно произнес Вова.

Представив, как мы моем бороду и бреем таксу, я разра-

зился смехом. Через секунду включились и Женя с Черепом. Смех стоял такой, что подпрыгивала сковорода на столе. А такса, почуяв неладное, убежала в спальню.

Да, природа не ошибается, потому что у нее есть свои варианты. С тех пор утекло много воды. Я жил в Питере, когда с малой Родины позвонили и сообщили, что Черепа больше нет. Отметив свой 48-й день рождения, через три дня он умер. Сердце.

Жаль, что не нашлось никого, кто бы навестил и подлечил.

Деревенские мотивы

Ребенком, приезжая на лето в деревню, я радовался больше всех моих двоюродных братьев и сестер, которых у меня было не мало. Хотя, наверное, не следовало, потому как и доставалось мне больше всех остальных. Других за все лето не то что не поругают, плохого слова им не скажут. Мне же прилетало по-разному и отовсюду.

Больше всех старался мой дед. С тем, что попадало ему под руку, он, как скульптор, делал из меня человека, отсекая все лишнее. Любил я тогда своего деда? Нет. Уважал, боялся? Да. Любил ли меня дед? Наверное. Он иногда разговаривал со мной, как со всеми остальными, но это продолжалось недолго благодаря моим усилиям.

В 11 лет дед дал мне прозвище «цыган малай», что в переводе с татарского означает «цыганский сын». Нет, я – не подкидыш, и родители мои – не цыгане. И черноты во мне не больше, чем у всех моих родственников. Это означало другое...

Случалось, я подбивал старших братьев и сестер на какое-нибудь дело, а они, не особо сопротивляясь, соглашались. Но потом оказывалось, что делать это было нельзя категорически. И крайним оказывался я, зачинщик. Нет, меня никто не сдавал. И даже осознание того, что мне в очередной

раз прилетит, не могло заставить меня замолчать и отказаться от моей правды.

Иногда, зная, что в доме деда меня не ждет теплый прием, я оставался ночевать у родственников. А вернувшись утром, находил, что всем не до меня. Только дед, выходя из дома, мог буркнуть что-нибудь в мою сторону. Не расслышав его и опасаясь переспрашивать, я интересовался у родственников:

– Что он там сказал?

– Он сказал: «Иди чисти скотный двор».

Да, чистить скотный двор, полоть огорода, таскать воду, заготавливать дрова – это для меня. А собирать малину, смородину, горох, черемуху – этого не заслужил.

Деревенские ребята меня уважали, потому что я успевал везде. Иногда страдал незаслуженно. Однажды, зайдя на конный двор, я увидел сидящих на крыльце бондарки мужиков и деревенских ребят. Крикнув приветствие, я подошел к циркулярному станку, стоявшему посреди двора. Черт меня дернул подойти к нему. Вблизи я увидел, что электрический кабель от станка перерублен. Взяв два конца в руки, я стал разглядывать. Отрублено ровно одним ударом. «Наверное, топором», – подумал я.

В это самое время во двор зашел дед, не мой, другой, деревенский плотник. Увидев меня у станка с перебитым кабелем, он, не долго думая, снял со стен бондарки хлыст и сте-

ганул меня по спине. Длинная кожаная плетка, которую мы называли бичом, имела свойство больно бить. Я взвизгнул и, кажется, подпрыгнул выше головы. Мужики бросились к деду и, отобрав бич, стали объяснять, что это не я испортил кабель, что я только пришел. Подошедшие ко мне ребята сказали, что рубашка на спине в крови и порвалась. Не дождавшись извинений, я побрел домой. Бабушка, увидев меня, сказала:

– Ничего страшного. Рубашку, конечно, жалко, а спина... Две-три ночи на спине спать не сможешь, потом все будет хорошо.

Собравшаяся вокруг меня родня разделилась на два лагеря. Кто-то сочувствовал:

– Совсем озверели, так бить ребенка!

Надо сказать, что мне было всего 12 лет.

Другая половина говорила:

– Опять нашкодил. Мало.

Извинения все-таки были, но не мне, а моему деду. Когда все собрались вечером за ужином за одним большим столом, дед объявил, что приходил дед-плотник и извинился: «Зря ударил. Не разобрался и сгоряча сильно переборщил».

– Еще бы! – не выдержал я, – я ему что? Корова или бык, меня так стегать?

Дед, помолчав, добавил:

– Будем считать это тебе авансом за будущее.

Половина стола смеялась, другая половина молчала, сочувствуя мне, а может просто не знала, как реагировать на шутку деда.

Благодаря гусиному жиру и стараниям моей бабушки через три дня я уже не помнил, где и как у меня болело.

Как-то раз деревенские мальчишки позвали нас на пруд купаться. Поблизости за деревней находилось озеро, но купаться там было невозможно: глубокое, нет удобного берега, кругом тина. А на пруду – песчаное дно, нырялка с берега. Только пруд находился в трех километрах от деревни. Деревенские туда добирались верхом на лошадях и на велосипедах. И мне с братьями предстояло найти транспорт.

У деда было два велика, которые я предложил старшим братьям одолжить. Без спроса, так как деда не было дома. Накупавшись к вечеру, вчетвером на двух велосипедах мы вернулись домой, где во дворе нас уже ждал дед.

При полном молчании братьев я очень красочно, как мне тогда казалось, разъяснил:

– Жара. Пастухи пригоняют скотину на водопой, и та купается. Чем мы хуже?

Дед сказал, что не против купания, но если вдруг в лесу пожар или какая другая оказия, то ему верхом тяжело, а запрягать долго, да и не везде проедешь на телеге. Для таких случаев ему нужен велосипед.

– Уж лучше берите коней, – закончил дед.

В следующий раз мы так и сделали. Вывели коней, не спросив у деда. Я решил, что два велосипеда деду много, прихватив один велик и младших, уже вшестером поехали купаться.

Вернувшись, увидели, что вся родня и дед сидят во дворе. Напив и загнав коней в стойло, мы подошли. Я радостно доложил:

– Коней мы тоже помыли.

Но это никого не впечатлило. Дед поднялся и заговорил:

– Я сегодня хотел скотине свежей травы накосить и сушняка навозить. А запрягать некого. Хороший день потерял. А все из-за кого?

И тут я начал возмущаться:

– Опять мы виноваты? Дед, тебя не поймешь. Ты же сам говорил, велосипед тебе нужен, берите коней. А теперь получается...

Дед не дал мне договорить, в его руке блеснул прут. Я отскочил, он промахнулся и ударил по ноге стоявшего рядом со мной старшего брата. Тот заскулил от боли. Но деда это не остановило, и он погнался за мной.

К тому времени я неоднократно участвовал в городских соревнованиях по борьбе, поэтому легко уворачивался, бежал вокруг телеги, через которую дед не мог меня достать, смеялся и кричал: «Не догонишь!».

Вся родня во дворе, замерев в последнем движении и открыв рты, наблюдала, боясь сказать слово.

И только бабушка, не обращая на нас внимания, занималась своими делами.

Закончилось все тем, что я, перемахнув через забор, в очередной раз отправился ночевать к родне.

Мой дед не был злым. Просто, видимо, я умело выводил его из себя. Он был заботливым, рациональным, добрым и терпеливым, в чем я не раз потом убеждался.

Он приучал нас правильно трудиться, но не повторяя, не внушая, не талдыча, а подсказывая и помогая. Однажды мы с братом носили воду от бочки на колонке до бани через весь двор. Подошел дед и сказал: «А ну-ка, поставьте ведра, только не на землю, а на доски». Это был первый урок – урок чистоплотности, чтобы прилипшая к ведрам земля не попала в бочку с водой.

– А теперь давайте откатим телегу, – продолжил дед, и это был второй урок. Не надо обходить телегу, когда можно пройти напрямки. То есть при меньшей затрате сил повысилась производительность.

– Всякую работу нужно делать с умом, – говорил дед.

Дед не любил, когда мы из леса приносили какую-либо живность: потерявшегося совенка, или зайчонка, или даже змей. А на наши возражения, что они там погибнут, он говорил:

– У леса нет ничего лишнего. В тайге лишним может быть только человек.

Празднование Нового года в деревне было самым лучшим. Дед приносил из леса елку, которую мы наряжали. В огороде устраивал соревнования по стрельбе из винтовки с призами и подарками, в котором участвовали все от мала до велика. Однажды возле дома построил для нас горку, на которую приходили кататься ребяташки со всей деревни, да и взрослые тоже.

Когда мне исполнилось 15 лет, мои отношения с дедом круто изменились. Мы стали чаще общаться, ездили в лес вдвоем, даже парились вместе в бане. Приезжая в город, он чаще гостил у нас, чем у других родственников. За чаем мы могли проговорить до глубокой ночи.

Дед не любил говорить о войне. Он больше рассказывал об охоте, о повадках зверей, о том, как построить дом, какой для этого нужен лес, где и как его искать. О людях, друзьях, которые сгинули в тайге. Он говорил: «Тайга, как море-океан, берет свою дань».

Повзрослевшие внуки уже не приезжали скопом в деревню, чаще по одному, по двое. И все реже навещали бабушку с дедом.

Дед стал болеть, я понимал, что дед мой не вечен. Прощаясь, мы подолгу стояли обнявшись, словно это был последний раз. Но приезжая снова в деревню, я наблюдал, как мои бабушка с дедом будто молодели. Они бегали, суетились, словно хотели успеть всем меня угостить и все показать. Бабушка готовила что-то особенное. Мы же с дедом, управившись на дворе, ехали в лес. Скота было мало, поэтому немного накопив, собрав и погрузив в телегу сена, медленно ехали обратно. Дед управлял, а я лежал на сене, глядя в небо и слушал, как поет мой дед.

Дед пел спокойным, негромким голосом, иногда дрожащим из-за неровностей дороги. Удивительно точно попадал в ноты. «Бухара – Урал, Бухара – Урал...» – разносилось по лесу бесконечно протяжная, как сама тайга, песня деда.

Взрослея, ты видишь все под другим углом. Говорят, вселенная расширяется, все удаляется и уменьшается. Так и в жизни.

Большой деревенский двор, дом, где всем хватало места, вдруг становится маленьким, хрупкими и какими-то беззащитными – бабушка и дед. Старшие родственники, раньше казавшиеся большими, начинают мельчать.

Мы вместе росли, общались, узнавали мир. И тогда казалось, что так будет всегда. Но пришло время, и мы отделились друг от друга настолько, что, живя в одном городе, не видимся годами.

Придет ли то время, когда все начнет сближаться? И в мой ближний круг войдут снова хотя бы те, кто остался в живых. Или будет все по-другому? Или никак, и все схлопнется?

Но я благодарен всем родственникам, близким и родным, бывшим и живым, за то, что они были и есть в моей жизни.

Дипломат и шапка из сурка

Нас четверых называли французами. Толи потому, что всегда держались вместе, как мушкетеры, и, задирая одного из нас, все понимали, что драться придется со всеми четырьмя. То ли потому, что мы постоянно что-то продавали, обменивали, фарцевали. И французские вещи тоже попадались, вроде того дипломата с номерными замками из крокодильей кожи, но к нему мы еще вернемся.

Учились мы в педагогическом училище в одной группе. Как нас всех туда занесло? Видимо, по недоразумению.

Леха Щербаков, по прозвищу Щербак, был из нас самым зрелым. Играл в местном ансамбле на бас гитаре и, как все басисты, был очень спокойным. На втором курсе Леха уже женился на девушке с четвертого курса, которую отбил у ее же однокурсника.

Витя Юдин, его прозвали Кот, – невысокого роста, коренастый деревенский парень. Его деревня находилась в трех километрах от города, поэтому зимой ему приходилось пешком покрывать это расстояние до ближайшей городской остановки. Зато весной он садился на мотоцикл «Ява-350» и не слезал с него до белых мух. Тогда казалось, он один из

четверых знает, что он здесь делает.

Саша Павлюченко, или Копченый, появился у нас в группе на втором курсе, перевелся с политеха. Высокий, жилистый, спортивный, чернявый, очень похожий на цыгана Яшку из «Неуловимых мстителей», но только русский. Характер у Сашки был шебутной, и самым правильным было не задирать его. В этом мы с Копченым были похожи: одного роста, подтянутые, дерзкие и готовые сами задирать кого угодно.

Надо сказать, что известны мы были не только в кругу студентов, но и среди преподавателей. Каждые полгода нашу компанию вызывали на педкомиссию по отчислению. Но все их старания не завершались удачей, возможно, мы им просто нравились. Из десяти вызванных на комиссию обычно пять или шесть отчисляли, а мы снова оставались в обойме.

Ах да, дипломат... Это было то время, когда студенты и преподаватели, «лучшая» их половина, приходили на занятия с пакетами «Вранглер», «Монтана» или дипломатами из кожзама. Несли они их так, словно вели тигра на повадке. У меня же тогда, не помню, как, но появился комплект: французский с блестящими золотыми номерными замками дипломат и папка - все из крокодильей кожи. Популярность была бешенная у дипломата и у меня. Нельзя было ступить и десяти шагов, чтобы кто-либо из преподавателей, студентов,

знакомых или не совсем знакомых людей не предложил бы продать сокровище. Я, конечно, упирался руками и ногами, говоря, что такая корова нужна самому. В этом общем строю возжелавших пробивался и голосок руководительницы нашей группы Галины Васильевны. Между собой мы называли ее «мастачкой», она была «классным руководителем» для обучающихся в мастерских училища. Муж ее был главным архитектором города, поэтому деньги у нее водились всегда. И значилась она самой модной среди преподавателей, да и не только.

Так случилось, что наша мужская и женская параллельные группы на городском конкурсе самодеятельности выиграли главный приз – поездку в Москву. Лошкарри, пляски, танцы, и мы с Щербаком тоже постарались. Спели в два голоса под гитару песню «Родная Земля». Через неделю объявили списки тех, кто едет в Москву. В списках были все, кроме меня. Я спросил у мастачки.

– Галина Васильевна, в чем дело? Я же пел, надрывался.

– Не знаю, не я утверждала списки.

– А кто?

И она направила взгляд наверх, показав, куда мне идти.

В кабинете директора сидели директор Лидия Тихоновна и завуч Ольга Павловна. Я дружил с сыном и невесткой директрисы, а племянник завуча играл в одном ансамбле с

Лешкой Щербаком, поэтому без предисловия сразу начал люто возмущаться. Но на все мои доводы, сводящиеся к тому, что я самый достойный кандидат на поездку в Москву, был один ответ: «Сам виноват. Четверо из пяти преподавателей, сопровождающих группу, не поедут, если поедешь ты».

Было обидно – это мягко сказано. Едут все: Копченный, Кот, Щербак. Я уже и деньги подкопил, а тут, как тогда говорили, пролетел как фанера над Парижем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.